

келсе, сол партияның сайлаушылар арасында үлкен қолдауға ие болары сөзсіз. Ал қай үкімет басшысы осы мемлекеттік міндетті орындай алса, сол саясаткердің тарихи тұлға ретінде халық арасында үлкен абыройға ие болары сөзсіз. Сондықтан, Қауіпсіздік Кеңеске тұрақты мүше болу сұрағы көп жағдайда елдегі билік үшін күреспен де түсіндіріледі.

Осы ретте айта кетсек, ү.ж. 30 тамызда Жапония Парламенті өкілдер палатасы сайлауының нәтижелері бойынша мемлекетте саяси билікке жетіп, 16 қыркүйекте жаңа министрлер кабинетін құрған Жапонияның Демократиялық партиясының сайлау науқаны тұсындағы осал тұстарының бірі ретінде дәл осы мемлекеттің сыртқы саяси мәселелері аталғаны белгілі.

Дегенмен Жапонияның жаңа Премьер-министрі Ю.Хатояма жергілікті БАҚ-тарға берген баспасөз конференцияларында /6/ жаңа үкіметтің Ресеймен жуық арада территориялық мәселелерді тиімді түрде шеше алатынын айтып жүрсе, ал сайлау алдында ол Демпартия билік басына келген жағдайда жаңа үкіметтің АҚШ-пен

одақтастық қарым-қатынастар жүйесін қайта қарауға кірісетінін айтқан болатын. Алайда, жаңа Премьер-министрдің бұндай батыл баяндамалары ел ішінде сынға ілініп жатса, ал шетелдерде, әсіресе АҚШ пен Қытайда тіпті наразылық тудыруда.

Қалай болған күнде де, билік басында қай партияның басшысы, қай саясаткер болмасын, БҰҰ Қауіпсіздік Кеңесінде тұрақты және толық құқықты мүшелікті қамтамасыз ету сұрағы Жапония мемлекеті сыртқы саясатының ең маңызды мәселелері мен ең басты бағыттарының бірі болып қала бермегі сөзсіз.

1 Diplomatic Blubook [Summary]. Ministry of Foreign Affairs, Japan, 2008

2 «Асахи симбун», 12.09.2009

3 «Нихон гайко сандзю нэн» (30 лет японской внешней политики), МИД Японии, «Сэкай-но угоки ся», Токио, 1999

4 Накасонэ Ясухиро. После «холодной войны». – М., 1993.

5 Abe Shinzo. Beautiful Japan. – Tokio, 2006. – 232 p.

6 «Нихон кэйдзай», 23.02.2009

А.Е. Сериккалиева

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ «КИТАЙ – ВАРВАРЫ» ЧЕРЕЗ ЭТНОГЕНЕЗ ХАНЬЦЕВ

На протяжении длительного периода истории Китая внешняя дипломатия осуществлялась именно в рамках оппозиции «мы – они», происходило развитие концепции взаимоотношений «срединные государства – варвары» или «Китай – варвары» (хуа – и), как частный, но и наиболее показательный случай её воплощения. В данной статье нам бы хотелось затронуть проблему взаимоотношений древнего Китая и «варваров», с точки зрения китаец-центристской концепции.

Для понимания особенностей формирования внешнеполитических доктрин Китая необходимо рассмотреть этногенез самих китайцев. Формированию древнекитайской этнической общности предшествовали сложные и длительные процессы антропо-, расо-, и глоттогенеза. Древние

этнолингвистические общности, находившиеся у истоков современных языковых семей Восточной Азии, складывались в эпоху мезолита (10-7 тыс. лет до н.э.). Что же касается дробления этих общностей и формирования этнических предков древних китайцев, то эти процессы относятся к неолитическому времени. Неолитические популяции, создавшие в конце 5 – начале 4 тыс. до н.э. развитую среднеолитическую культуру яншао в ее локальном варианте – баньпо, могут, по мнению М.В. Крюкова в книге, написанной в соавторстве, рассматриваться как одно из ответвлений племен, говоривших на сино-тибетских языках. В 4 тыс. до н.э. происходит значительное расширение ареала культуры яншао. На базе ее хронологически более позднего варианта – мяодигоу

возникают две группы населения, одна из которых перемещается в восточном, другая в западном направлении. Первая группа, двигаясь по долине Хуанхэ на восток, столкнулась в западной части современной провинции Хэнань с насельниками стоянок типа циньвайчжай, по своему происхождению связанными с бассейном р. Ханьшуй. Взаимодействие этих племен, различных по облику культуры и по языку, послужило основой формирования культуры хэнаньского луншаня, на базе которого позднее, во 2 тыс. до н.э., возникла раннеиньская (шанская) общность. Во второй половине 2 тыс. до н.э. иньцы, переместившиеся в нижнее течение Хуанхэ, создали там раннегосударственное образование с центром близ современного Аньяна. Чжоуское завоевание конца 11 тыс. до н.э. не привело к сколько-нибудь значительным социально-экономическим сдвигам в развитии древнекитайского общества, однако имело этнополитические последствия. На базе раннегосударственных образований, возникших в результате чжоуского завоевания и осуществления системы «наследственных пожалований», в 7-6 вв. до н.э. на Среднекитайской равнине завершается длительный процесс складывания этнической общности «хуася», которая может быть названа «древнекитайской». Формирование этой общности происходило в процессе интенсивных контактов с соседними племенами, говорившими на сино-тибетских, протоалтайских, аустроазиатских и аустронезийских языках. Существенным эпизодом в формировании общности «хуася» было вторжение на Среднекитайскую равнину племен ди, принадлежавших к «скифскому миру». В 4-3 вв. до н.э. происходит постепенное расширение территории «хуася» /1, 283-285/.

Процесс формирования этнической общности китайцев завершился во второй четверти 1 тыс. до н.э., проходил преимущественно на территории среднего течения р. Хуанхэ. Качественные характеристики древнекитайского этноса претерпевают в этот период изменения потому, что ассимилируя некоторые соседние этнические группы, он сам не мог не воспринять от них некоторые черты культуры и быта.

Активные политические и культурные связи способствовали формированию общего письменного языка, в отдельных районах и разговорного. Объединение племен под властью Инь, а затем Чжоу было непрочным протестарным образованием, сохранявшим многие черты союза племен. Полунезависимые единицы, входившие в состав, в ряде случаев этнически значительно различались между собой. После чжоуского завоевания, правящая элита принадлежала к числу чжоуцев, а основное население составляли иноплеменники. Постепенно происходил процесс культурной и этнической интеграции населения нескольких наследственных владений в районе среднего течения р. Хуанхэ. На этой основе здесь складывается этническая общность древних китайцев. Начиная с середины 2 тыс. до н.э. население империи Хань становится полиэтничным: в его состав оказались включенными многие соседние народы, которых древние китайцы считали «варварами». В процессе взаимодействия основного населения страны – древнекитайского этноса – и иноэтнических групп само существование централизованного государства было дополнительным фактором, способствовавшим ассимиляции последних /2, 184/.

Этническое самосознание представляет собой совокупность представлений этноса о самом себе, реализация которых возможна лишь в плане оппозиции «мы-они». Особенности этнического самосознания могут оказывать влияние на характер взаимоотношения народа с соседями, и, наоборот, международная ситуация зачастую воздействует на этнические стереотипы. В 7-6 вв. до н.э. ведущим компонентом этнического самосознания общности хауся было представление о единстве происхождения, но со временем вера в то, что древние китайцы произошли от общих предков и тем отличаются от «варваров», постепенно отходит на второй план, а затем и вообще исчезает. Во многом этому способствовало заключение «договоров о мире и родстве» с сюнну. Договор о «мире, основанный на родстве» (хэ цинь юэ) сыграл качественно новую роль в формировании внешнеполитической доктрины Китая.

Некоторые китайские историографы рассматривают эти договоры как вынужденные и не видят в них ни равенства, ни тем более представления о «детях одной семьи». Китай разработал стратегический курс, осуществление которого, в конечном счете позволило покорить сюнну. Ханьский двор вел политику уступок, не только отдавая дочерей замуж за «варварских» ханов, но и посылая им дары. Так же Сыма Цянь находит общих предков сюнну и китайцев. На смену приходит представление об общности культуры. Это означало качественное изменение в подходе к пониманию того, что отличает «нас» от «варваров»: если раньше различие это считалось непреходящим, существовавшим от рождения, то теперь человеком хуася можно было не только родиться, но и стать /2, 190/.

Древний китайский мыслитель Бань Гу писал, что «варваров держали за границей, не принимали в пределы (Срединного государства), отстраняли подальше... Если они появлялись, их наказывали и управляли ими; если они уходили, принимали меры предосторожности против них и оборонялись; если они, ценя справедливость, приходили с данью, их принимали с почестями, проявляя учтивость. Таким образом, варваров непрерывно держали на привязи, стремясь возложить на них вину за несправедливые действия, и это был обычный путь, по которому шли мудрые правители, управляя варварами» /3, 30/. Так Бань Гу рассматривал систему управления варварами в гуманности и строгости, видя в них «полулюдей», которым нельзя апеллировать категориями нравственности.

В ханьское время в стране возникает ряд районов, где древние китайцы жили с некитайским населением. Характер этнических процессов и юге и севере был различен. Увеличение древнекитайского населения в южных районах страны сопровождалось усилением его культурного влияния на местных жителей, сохранявших свою прежнюю этническую и племенную принадлежность. Этот процесс не был односторонним /2, 231/.

Представление о чжун го – центре ойкумены, со всех сторон окруженном «варварами четырех стран света», – возникло во второй половине 1 тыс. до н.э. До объединения страны Цинь Шихуаном этим термином обозначались царства, населенные древними китайцами, – Срединные царства. В 3 в. до н.э. – 3 в. н.э. понятие «чжун го» претерпело значительные изменения, являющиеся отражением трансформации в древнекитайском этносе и его самосознании. Конфуцианцы считали, что в приграничных районах люди живут в горах и ущельях, и космические силы находятся там в состоянии дисгармонии. А чжун го находится в центре неба и земли, там где инь и янь сочетаются между собой. Эти различия между центром и периферией проявляются в культуре, занятиях, и в методах воспитания. Так на «варваров» нельзя воздействовать категориями нравственного порядка «ли».

Коль скоро термин «чжун го» обозначал «срединное государство», то выражение «люди Срединного государства» обозначало население Ханьской империи. Этот термин пришел на смену самоназванию древних китайцев хуася и обозначал этническую принадлежность. В ханьское время употреблялся и другой термин «цин»», обозначающий название древних китайцев, а не подданных империи Цинь. В ханьское время получает развитие (по крайней мере в рамках конфуцианской идеи) такой характерный компонент этнических взглядов древних китайцев, как представление о нравственном превосходстве над «варварами».

В развитии и становлении внешнеполитической доктрины древнего Китая можно выделить два основных этапа. Первый этап охватывал длительный период китайской истории – начиная с эпохи Инь и кончая кануном образования империи Цинь. В этот период произошло формирование китаецентристской модели мира. Эгоцентристские представления об окружающем мире получили новый импульс в виде теории верховных прав иньских и чжоуских ванов как заместителей Неба на земле на все окружавшие Китай народы. Поэтому именно в периоды Инь и Чжоу

китайский эгоцентризм был связан с представлениями о мироустроительных функциях именно китайских правителей. Второй этап, период централизованных династий Цинь и Хань (3 в. до н.э. – 4 в. н.э.). В это время произошло завершение процесса формирования внешнеполитической доктрины китайского государства, истоки которой зародились еще в Инь-Чжоу.

Реальные контакты страны с соседями – «варварами» - в политической, экономической и военной областях не вызвали кардинального изменения в уже сложившемся конфуцианском представлении об исключительном положении ханьцев в мире. Если в практических контактах с соседями чувствовалось прежде всего влияние легистских доктрин (стремление идти на любые контакты, если они выгодны государству), то составной частью теоретического пласта внешнеполитической доктрины являлась концепция Конфуция о противопоставлении Китая «варварам». Такое сосуществование двух, казалось бы, взаимоисключающих начал позволяло Китаю сохранять и оберегать свое особое положение в мире /2, 232/.

Идеологической основой внешней политики всех китайских империй была концепция господства Сына Неба над всеми народами Поднебесной, которые, будучи «варварами», рассматривались как вассалы по отношению к правителю китайцев, населяющих центр Поднебесной.

С эпохи Хань и вплоть до 2 половины 19 в. китайское общество пользовалось одной, неизменной в своих главных чертах доктриной внешних сношений, в основе которой лежал принцип разделения мира на две абсолютно разные по своим качествам части: Китай и все остальное. «Все остальные», где бы они ни были и кем бы они не являлись, считались «варварами». В соответствии с такой картиной мира находилось представление о том, что «на небе не может быть двух солнц, на земле – двух государей». Существовало так же положение «ди-го» (два государства), которое подразумевает признание законности существования какого-то государства наряду со «Срединной империей» и отнюдь не в качестве ее вассала. Отсюда – признание

законности одновременного существования «двух правителей» - но одного из них занимавшего младшее положение, так как иероглиф «ди», обозначает «младший брат», эта концепция вполне совместима с идеей «на небе не может быть двух солнц, на земле – двух государей». В эпоху Хань и Тан такое положение постулировалось в официальных документах китайских императоров. Примером таких отношений служит договор о мире и родстве – хэ цинь. Он был создан Лю Банем, основателем династии Хань, заключившим такого рода договор между с суннуским шаньюем Модэ. При Танах эта форма взаимоотношений стала одной из основных с уйгурами, тюрками, тибетцами и Наньчжао. Этот договор означал формальное, а иногда и фактическое породнение императора с правителем соседнего государства, путем выдачи замуж дочери императора или удочерением императором жены или дочери кагана. Император часто отправлял вместо своей родной дочери простолюдинку. Все это означало изменение внутренней сущности зятя императора, теперь он уже не мог быть получеловеком «с сердцем дикого зверя».

В Китае существовало 2 концепции отношения с варварами. В основе первой лежала идея о том, что варвары – не вполне люди: у них лишь лица людей, а сердца – зверей. Врожденные качества варваров нельзя изменить, и поэтому покорившиеся варвары никогда не смогут стать настоящими подданными. На них нельзя воздействовать категориями долга и справедливости. Соблюдение ритуала «ли» им чуждо, а как написано в «Шуцзине» в главе «Великий план» («Хунь Фань») каждому китайцу предписывалось исполнять «пять дел», «пять правил» надлежащего поведения, достойных речей, взглядов, мыслей: «Вести себя пристойно. Говорить соответствующее. Видеть - ясно. Слышать - отчетливо. Думать - проникновенно» /4, 14/. Отсюда и следует вывод: не вступать с ними в отношения. Согласно второй концепции никакого качественного различия между китайцами и варварами нет. Их обычаи и привычки отличаются от «наших», но варвар, оказавшийся среди китайцев

может слиться с ними, воспринять их язык и обычаи.

Одним из основополагающих моментов китайской внешнеполитической теории было представление о делении мира на две части – «цивилизованный» Китай и «варварскую» периферию. Между этими двумя частями существовало принципиальное различие: «варвары», в отличие от китайцев, не знали этических норм, были склонны ко злу, вследствие чего не могли создать цивилизацию, пребывая в состоянии хаоса и неустойчивости. Картина мира в глазах китайцев выглядела моноцентрической: в центре «цивилизованный» Китай, а вокруг него концентрическими кругами расположены «варварские» земли, причем по мере удаления от центра хаос возрастал /5, 6/.

Ойкумена стала делиться по принципу «мы – они», где «мы» - это живущие в центре Поднебесной хуася, а «они» - обитающие на её окраинах «варвары». Варвары именовались разными названиями: и, мань, жун, ди. Собираемым названием для всех варваров было сы и – «варвары четырёх сторон света». Для того чтобы документально подтвердить представления китайцев о варварах, мы приведём выдержку из трактата «Лицзи» (Записки о ритуале), входящего в конфуцианский канон:

«Народы пяти сторон света, а именно живущие в государствах центра, варвары жун, и и другие – все имеют присущую им природу, которую невозможно изменить. Живущие на восточной стороне называются (варвары) и; они не расчёсывают волос и разрисовывают тело; среди них встречаются такие, которые не готовят пищи на огне.

Живущие на южной стороне называются (варвары) мань; они делают надрезы на лбу и сидят скрестив ноги; среди них встречаются такие, которые не готовят пищи на огне.

Живущие на западной стороне называются (варвары) жун; они носят волосы распущенными, одеваются в шкуры; среди них встречаются такие, которые не едят зёрна.

Живущие на северной стороне называются (варвары) ди; они одеваются в перья и шерсть, живут в землянках; среди них встречаются такие, которые не едят зёрна» /6, 180/.

Вполне закономерно, что идеи китайской этнической исключительности получали стимул в период сильных династий. Так в 7-8 вв. конфуцианская идея врожденной противоположности китайцев и «варваров» вновь возродилась. Бань Гу еще в 1 в. говорил: «Земли хуася находятся в центре того, что освещает солнце и луна между верхней и нижней твердью. Все живое там получает здоровое жизненное начало. Характер людей там уравновешенный и добрый, почвы плодородны, а растительность разнообразна. Поэтому там появляются на свет совершенномудрые, которые наследуют друг от друга нормы поведения и учения люди... Земли же варваров расположены по краям. Жизненные начала там не здоровые. У них не рождаются совершенномудрые, поэтому там некому исправить первоначальные нравы» /7, 90/.

Пройдя через очередной этап интенсивного взаимодействия разнородных этнических компонентов, китайский этнос выходил из него обновленным и качественно трансформировавшимся. В этом и заключалась сущность его развития. В 7-8 вв. у китайского этноса уже сформировался тот комплекс важнейших признаков современного китайского этноса, который лишь с незначительными изменениями характеризует его вплоть до настоящего времени. Главный этнический признак - самосознание народа, внешним проявлением которого является его самоназвание. В 10-13 вв. новое этническое самоназвание китайцев – «люди хань» - окончательно вытесняет все остальное. Утверждение этого самоназвания, свойственного китайцам вплоть до сегодняшнего дня, - показатель завершения этапа формирования этнической идентичности.

Таким образом, в основе формирования внешнеполитических взглядов древних китайцев лежал процесс складывания и развития самого китайского этноса. Если же конкретизировать это высказывание, то

первоначальным условием этого было знакомство китайцев с земледелием, развитие которого стало возможным благодаря благоприятным природно-климатическим условиям в среднем течении реки Хуанхэ. Усиление экономической мощи древнекитайских племён предопределило складывание их представлений о том, что их общество находится в центре ойкумены, а их правящий дом является прямым ставленником небесных сил, призванным транслировать на землю благую мощь, необходимую для поддержания порядка в мире людей и способствующую дальнейшему процветанию их общества. Представление о том, что китайцы находятся в центре ойкумены, дало им уверенность в том, чтобы считать свой этнос и государство мирообразующей единицей, распространяющей мироустроительное начало на все остальные народы, так или иначе соприкасающиеся с ними. Историческая обстановка сложилась так, что этническая целостность китайского народа была сохранена. Занимая огромную этническую территорию и обладая рекордной численностью, китайцы не могли быть истреблены, а их мироустроительная система и вытекающая из нее внешнеполитическая концепция просуществовала многие века, некоторые ее элементы сохраняются и сейчас.

1. Крюков М.В., Софронов Н.Н., Чебоксаров М.В. Древние китайцы: проблемы этногенеза. – М.: Наука, 1978.
2. Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М, В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М. 1983.
3. Таскин В.С. Отношения Китая с Северными соседями в древности// Проблемы Дальнего Востока, 1975, №3.
4. Григорьева Т.П. Человек и мир в системе традиционных китайских учений// Проблема человека в традиционных китайских учениях М., 1983.
5. Беспрозванных Е.Л. Тибето-китайские отношения в XVII – XVIII. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005.
6. Формирование границ Китая. В 2-х т./ Отв. ред. М.И. Сладковский, М.: ИДВ, 1977.
7. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. - М., 1979.

Автор мақала Қытайдың ежелгі уақыттағы сыртқы саяси концепцияларының құрылымы мен оларды түсіну ерекшеліктерін қарастырады. Мұнда Қытай ұлысының қалыптасуы сарапқа салынады.

This article considers China's ancient foreign policy concept, it's features and perception in the world. It analyses process of generation of the Chinese nationality.

2 - б ө л і м
ФИЛОЛОГИЯ

Раздел 2
ФИЛОЛОГИЯ